

Ольга
Пустошинская

ОСЯЗАНИЕ

Ольга Пустошинская

Осязание

«Автор»

2020

Пустошинская О.

Осязание / О. Пустошинская — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-03634-5

События разворачиваются в 1940 году в маленьком уральском городке. Остаётся всего год мирной жизни. Молодая библиотекаря Янина может видеть будущее и уже мысленно переживает военные события, не считая себя вправе говорить о них кому-либо. Через год в город потянутся эвакуированные предприятия, семье Янины предстоит вынести голод, холод и одно из самых сильных наводнений. Всё это будет, а пока... целый год мирной жизни.

ISBN 978-5-532-03634-5

© Пустошинская О., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Янина	5
Война	12
Эвакуированные	18
В госпитале	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Осязание

Янина

– Нина! – Взволнованная Ася ворвалась в читальный зал. – Не могу сборник Чехова найти. Помоги, читатель ждёт!

Бледненькое Асино личико покраснело: она всегда нервничала, если не могла найти нужную книгу. Читатель переминался с ноги на ногу и вздыхал, показывая, что попусту тратит своё драгоценное время. Сконфуженная Ася десять минут бесцельно шарила по полкам – книга как сквозь землю провалилась.

– Ну и что, подождёт, – с напускным равнодушием отозвалась Нина. Её звали красивым редким именем – Янина, но окружающие, по обыкновению, опускали первую букву.

Она отложила на стеклянную чернильницу ручку с пером «рондо» и поднялась из-за стола.

– Какой сборник нужен?

– «Маленькая трилогия».

Нина медленно двигалась вдоль стеллажей. Если бы Ася видела её сейчас, то открыла бы от удивления рот: Янина не смотрела на полки, взгляд её был устремлён вниз, рука скользила по книжным корешкам. Она шла, прислушиваясь к себе.

Нет... и здесь нет... Стоп. Вот он, томик Чехова, засунутый кем-то на полку татарской литературы. Ася бы его весь день искала.

– Возьми своего Чехова.

– Спасибо! И как у тебя получается? – В голосе Аси послышалось восхищение, смешанное с завистью.

– Случайно.

Нина лукавила – не случайно, но лучше лишний раз не хвалиться, особенно перед тем, кто завидует.

Заполняя формуляр, Ася по невнимательности поставила неверную дату.

– Год неправильно написала, – указала на ошибку Янина, – сейчас сороковой... аккуратнее надо с документами.

Она бросила взгляд на маленькие ручные часики: осталось пять минут до конца рабочего времени. Расставила возвращённые книги на полки, прибрала бумаги на столе: терпеть не могла беспорядка.

Библиотека занимала второй этаж бывшего купеческого дома. Потолки здесь высоченные, с красивой росписью и лепниной, стены метровой толщины, изразцовые печи с окошками для икон и свечей.

Нина прошла через читальный зал в маленькую комнату, вероятно бывшую комнату прислуги, переделась в тёмно-синее платье с матросским воротником, которое берегла и не носила на работе, боясь поставить чернильное пятно, и белые туфли-лодочки на каблуках. Такие наряды были редкостью в их маленьком уральском городе. Внешность у Янины приметная, с необычным сочетанием тёмных волос и голубых глаз, и причёска по моде: волосы уложены надо лбом валиками, а локоны свободно падали на плечи.

Подкрашивая губы розовой помадой, Нина перехватила в зеркале Асин завистливый взгляд.

«Опять выфрантилась Ковальская... На восемьдесят рублей зарплаты такое не купишь», – возникла в голове чёткая мысль. Ответить бы, да нельзя – будет хуже.

Нина заглянула на минутку к заведующей, спустилась по кованой лестнице и вышла на улицу. По пути наведалься в магазин, в больших окнах которого были выставлены плакаты с

рекламой минеральных вод, соков, куриного бульона в кубиках и крабов «Снатка». Реклама есть, а крабов в их Ромске не бывает. Янина купила сахар, хлеб, масло и пряники. Теперь можно ехать домой.

От автобусной остановки до частного сектора – рукой подать. Дома здесь с высокими – с целый этаж – цоколями для защиты от паводка. Урал-батюшка разливался каждую весну так, что по улицам можно было передвигаться только в высоких резиновых сапогах, но Нинин дом, к счастью, не сильно страдал от воды, потому что находился выше.

Навстречу выбежала маленькая чёрно-коричневая собачка Кукла. В хорошую погоду она любила дремать на тёплом крыльце, греясь на солнышке. Янину Кукла всегда чуяла издали: поднимала голову, шевелила ушами, потом срывалась с места и приплясывала возле калитки, поскуливая от нетерпения.

– Куколка! – Нина опустилась на корточки и приласкала свою любимицу, та лизнула руку. У Куклы забавная мордочка с бежевыми пятнышками у глаз и носа, гладкая шерсть, тонкие лапки и хвост прутиком. Ритуал соблюден, теперь можно заходить в дом.

Комнаты сверкали чистотой: на окнах топорщились накрахмаленные занавески, на мебели ни пылинки, полосатые дорожки разбежались по полу, а на столе лежала белоснежная скатерть. Мама в простом ситцевом платье раскладывала приборы и расставляла тарелки к ужину. Одного взгляда на мать Нине было достаточно, чтобы почувствовать пульсирующую боль в висках.

– У тебя голова болит?

– Есть немного. Ничего от тебя не скроешь.

– Садись, сейчас помогу.

Маленькие руки плавно двигались, не касаясь маминой головы, ладони горели и покалывали; что-то чуть плотнее воздуха перекачивалось под ними. Янина называла эти ощущения током.

– Уходит... уходит... – прошептала мать. – За столько лет не могу понять: ну как это у тебя получается? Ведь во-о-от такую-усенькой, бывало, подойдёшь, ручками помашешь – и всё проходит.

– Сложно объяснить. Это как осязание, но гораздо сильнее.

– Это чего такое?

– «Восприятие организмом воздействия внешних факторов с помощью рецепторов», – процитировала Нина, которая проштудировала у себя в библиотеке немало справочников. — Ощущение, одним словом, только сильнее, чем у других.

– Вон как... – протянула мать. – Ты бы, Яньк, не особенно показывала своё ощущение перед людьми-то, разные бывают...

– Я не показываю, не переживай.

Но скрывай не скрывай, а шила в мешке не утаишь, оно обязательно проколет мешковину.

В детстве Янина и не подозревала, что наделена чем-то особенным. Она видела, что люди часто говорят не то, о чём думают, и принимала это за игру. Откуда Нине было знать, что другие не умеют читать мысли; не понимала, почему так пугаются родители, когда она говорила то, о чём лучше бы промолчать. Потом стала старше, умнее и сдержаннее. Лишь однажды Янина позволила себе выпалить правду-матку.

Это случилось, когда Лиля впервые привела Николая, своего жениха, знакомиться с родителями. Мама, конечно, засуетилась, достала праздничную посуду, чтобы не упасть в грязь лицом перед будущим зятем.

Нине не понравился Лилин кавалер. И что только она в нём нашла? Курносый, щёки толстые, веснушчатые.

Николай поздоровался с родителями, Янине тоже подал руку, будто взрослой. Завитая и наряженная Лиля улыбалась и не ждала подвоха.

– Это моя сестра Яниночка.

«Яниночка-картиночка... А домик-то небольшой... Эх, просчитался! – перехватила Нина. – Лучше бы с Фиркой загулял... И ведь не отделаешься – обрюхатил. Или пойти на попятную, сказать, что ребёнок не мой?»

Она видела все стороны жизни и прекрасно понимала значение этого слова – «обрюхатил», уставилась на Лилин живот: так и есть! Маленький, как червячок, ребёночек с пульсирующим сердечком. Как же Янина раньше не заметила? Наверняка потому, что сестра гуляла допоздна, мало бывала дома.

– Лиля, прогони его! Мы сами твоего ребёночка будем воспитывать, я обещаю помогать! Я гулять с ним буду, пелёнки стирать – всё делать буду! – Нина пыталась поймать Лилины руки, сестра в смятении прятала их за спину.

– Что ты несёшь?! Успокойся! – шипела она, багровея от стыда.

– Он не хочет на тебе жениться, а думает о какой-то Фире!

– Ты врёшь!

Сестра расплакалась, а у Коли физиономия стала испуганной и жалкой.

Янину увели в спальню, скандал замяли.

– Не сердчайте, Николай, – говорил отец, – ребёнок, что с неё взять... Янечка, ты, может быть, погулять хочешь?

Нина выглядывала из-за занавески, как зверёк, и мотала головой.

Вечер был испорчен. Николай чувствовал себя не в своей тарелке, всё время поглядывал по сторонам. Вскоре он сослался на недомогание и ушёл домой.

Лиля была очень зла. Она выдержала настоящую бурю от матери и жаждала расправы над младшенькой.

– Как ты смела, сопля, позорить меня перед всеми?! – кричала сестра. – Мама мне чуть голову не оторвала!

– Лилечка, ты с ним будешь несчастна, – умоляла Нина, пропустив мимо ушей обидное слово, – роди без Кольки этого ребёночка, а потом встретишь человека, который тебя полюбит.

– Замолчи! Что ты вообще в этом понимаешь?!

Сестра не послушала и вышла замуж за Николая, пока тот соглашался жениться, родила мальчика. А сейчас Янина видела, что Лиле хотелось сбежать на край света от такой жизни.

Сквозь сон Янина слышала, как отец негромко разговаривает с матерью, собираясь на работу. Он пять лет как вышел на пенсию, но продолжал работать. Говорил, что дома помрёт со скуки, а деньги лишними не бывают.

Позвякивала посуда, шумел чайник, и Янина всё валялась в постели под эти уютные звуки: выходной, можно и понежиться. Серый кот Тимошка прыгнул на постель, затарахтел, терзая коготками одеяло. Валяться на кровати коту запрещалось, но сейчас Тимошке ничего не угрожало: он боялся только матери с полотенцем в руке. Вот тогда срывался с места и пулей летел под диван или буфет.

Нина погромела носиком рукомошника, причесала волосы, стянула в хвост и подошла к столу, где её ждали на тарелке два яйца всмятку и бутерброд с сыром.

Кухня у них большая и чистая, как и всё в доме. Печь-голландка сияла белым кафелем, блестели отмытые окна, стоял у стенки лаковый буфет с красивой посудой за стеклянными дверцами.

На столе Нина заметила новую зелёную книгу с кастрюлей на обложке и надписью: «Книга о вкусной и здоровой пище».

– Тебе в приданое, – объяснила мама. Она лелеяла мысль выдать младшенькую замуж, мечтала, что та будет варить мужу борщи и готовить бифштексы.

Янина улыбнулась. Замужество казалось ей далёким, как Луна, и почти невозможным, как путешествие на другую планету. В двадцать пять лет пора иметь семью и детей, но какой муж станет терпеть жену, которая будет читать его мысли так же легко, как открытую книгу? Поэтому мамини мечты остаются мечтами.

Нина рассеянно листала страницы, зацепилась взглядом за предисловие: «За годы сталинских пятилеток в Советском Союзе создана мощная пищевая индустрия. Она выпускает огромное количество продуктов питания для удовлетворения самых разнообразных вкусов и потребностей населения, для взрослых и для детей, для здоровых и для больных...»

Где это огромное количество продуктов питания? В магазинах продают только необходимое. Одно время не было сливочного масла, люди даже жаловались в газету.

– Крабы с рисом в молочном соусе... Мам, ты любишь крабов в молочном соусе?

– Крабы? Это те баночки, которые ты из Ленинграда привозила? По мне – так селёдка лучше.

– И правда. С лучком и картошечкой!

Мама отложила бутерброд:

– Лиля что-то давно не приходила. Как она там? Колька, поди, нервы опять мотает.

Нина подумала о сестре и почти сразу увидела Лилу, нервно ходящую из угла в угол, и невозмутимого Колю, разглядывающего воротник рубашки со следами губной помады.

– Всё как обычно. Николай и раньше погуливал.

– Вот кобелина... – Мама вздохнула, взяла чистенькую дощечку и стала нарезать зачерствевшую булку на сухари, стуча ножом.

Нина очистила яйцо, посолила и принялась есть, посмотрела на похудевший численник.

– Листочек забыли оторвать, – потянулась она к календарю. Две крупные двойки притягивали взгляд, не отпускали. Двадцать второе июня тысяча девятьсот сорокового года.

Тук-тук-тук... Замерев, она смотрела на неестественно медленнодвигающиеся материны руки, они стали размытыми, словно кто-то убавил резкость, перед глазами всё поплыло. С носика рукомыльника сорвалась капля воды и зависла в воздухе. Вот она упала и разбилась о металлическую раковину. Тук-тук-тук... Это не стук ножа, так стучит метроном.

«Внимание! Внимание! Говорит Москва!» – зазвучало в голове. Янина увидела нагруженных чемоданами и рюкзаками подростков, их загоняли в товарные вагоны люди с оружием и кричали: «Шнель, шнель, русиш швайн!»

– Янечка, что с тобой, дочка? – привёл её в чувство голос мамы.

– Ничего. Привиделось что-то...

На примусе свистел-пыхтел кипящий чайник, мощная струйка пара вылетала из носика. Свист усилился, стал резким, протяжным, даже в ушах зазвенело. Нина потрясла головой – свист пропал.

Мама сняла булькающий чайник, поставила на примус сухую чугунную сковороду, высыпала нарезанные кусочки булки. Сковородка жарко раскалилась, запахло сдобой.

– Сухарей надо засушить побольше, – наконец сказала Янина.

– Можно и засушить, – не сразу отозвалась мать. После голодных лет у неё вошло в привычку делать запасы. – Да что тебе такое привиделось? Что-то дурное?

– Нет, что ты. Просто пусть будут, запас карман не трёт.

О возможной войне говорили часто. Кто-то думал, что Германия непременно нападёт на СССР, другие горячо доказывали абсурдность этого. Янина слышала подобные разговоры и в читальном зале.

– Гитлер не откажется от своих планов. Он не упустит такой куш, как СССР, – говорил блондин в кургузом пиджачке.

– Кишка тонка! А как же пакт о ненападении? – напирал парень в майке со шнуровкой. Блондин презрительно выпятил губу:

– Да начхать ему на этот пакт!

– Знаешь, как это называется? Антисоветская пропаганда.

Янину пугали такие разговоры.

– Товарищи, товарищи! Соблюдайте, пожалуйста, тишину. Вы мешаєте остальным.

И спорщики сконфуженно замолкали.

От дурных предчувствий ныло сердце. О своих видениях Нина никому не рассказывала: зачем расстраивать близких, вдруг она ошибается? Но запасы продуктов понемногу делать начала. Почти каждый день покупала то пачку макарон, то соль, то кулёк крупы. Один раз Янине повезло: купила куриный бульон в кубиках, который очень редко бывал в продаже. Она взяла две коробки.

Мама повертела упаковку в руках:

– Янечка, да зачем ты купила такое? Дорого стоит, наверно? Я у Зинки кур беру, у неё хорошие, откормленные.

– Пригодится, мам.

– Как белка... всё припасы на зиму делаешь. Хватит, уже полный буфет круп.

– Ничего, запас карман не трёт, – повторила Нина.

Она не успокоилась, пока не забила продуктами буфет и кухонный шкафчик.

Кукла с наступлением холодов на улицу выходила редко, всё больше лежала на коврикe возле печки. Вот она задрала мордочку, смешно пошевелила ушами, к чему-то прислушиваясь, и подбежала к двери, завилыла хвостом-прутиком. Это означало, что у калитки стоит тот, кому Кукла рада. И верно: через минуту в дом зашла Лиля, стуча ботинками.

– А мама и отец где? – спросила она.

– В гостях. Они не знали, что ты придёшь. – Янина взяла у сестры пальто и повесила на вешалку. – Заходи, сейчас будем чай пить.

Лицо у Лили было бледным, голубые глаза лихорадочно блестели, она покусывала губы – нервничала.

– Это хорошо, что их нет, я с тобой хотела поговорить.

Червячок, крохотный червячок с бьющимся сердечком...

– Лилька, ты беременна! – ахнула Янина.

– Не скроешь от тебя... я знаю.

– Поздравляю. Ты ведь хотела дочку.

– Издеваешься?

Лиля вскочила со стула, забегала по кухне из угла в угол.

– Мне сорок лет, понимаешь? Муж загулял с молоденькой продавщицей из промтоварного. Зачем мне второй ребёнок?

– Не сорок – тридцать девять... Ты что, ходила с ней разбираться? – пронизательно посмотрела Янина.

Лиля махнула рукой.

– Пустое... Я не жаловаться пришла. Этого ребёнка я не хочу, помоги мне... – И заговорила быстро, не давая Нине возразить: – В консультации мне отказали. Говорят, что сорок лет – не показание для прерывания беременности. Я знаю, ты сможешь помочь, если захочешь.

– Я не могу, с чего ты взяла? – испугалась Нина.

– Да можешь, можешь! Ты же мне помогла, когда желудок болел, у тебя в руках сила, – волнуясь и запрокинув за ухо выбившуюся каштановую прядь, сказала Лиля.

– Эта сила не для зла...

Кукла снова вскочила с коврика и затанцевала у двери.

– Мама с папой идут, – заметила Янина.

– Ничего не говори им. Это наше дело.

Мать обрадовалась Лиле, усадила её ужинать.

– Как дома-то, всё ладно? Вова как учится? – спросил отец, накладывая в чашку несколько ложек сахара, он любил очень сладкий чай.

– Да учится... – ответила на второй вопрос Лиля, не заметив первый, – с двойки на тройку, лоботряс.

Она без аппетита ела густой гороховый суп, ложка медленно двигалась туда-сюда по одной траектории. Разговор не клеился. Нина и Лиля сидели как в воду опущенные, мама тайком поглядывала то на одну, то на другую дочь и всё больше тревожилась.

– Что случилось-то, девки? Ведь как на поминках сидим, – не выдержал отец.

У Лили покраснели глаза, она часто-часто заморгала. Попыталась взять себя в руки, но не получилось, и она заплакала, закрыв лицо руками, только плечи вздрагивали.

– Беременная? – выдохнула мать, став необычайно догадливой.

Лиля кивнула, не отнимая рук от лица.

Отец осторожно поставил чашку на белую скатерть:

– Дело-то житейское... что ж, нянчить будем. Наше правительство как говорит? «Для нас важен каждый ребёнок, стране нужны рабочие руки». Мы что, не прокормим разве? Козу держим, молоко есть.

Лиля вытерла глаза платочком, посмотрела на Янину.

– Ты обещала мне желудок подлечить, помнишь? – И первой прошла в маленькую комнату.

Янина потёрла ладони друг о друга, приложила руку пониже Лилиной груди и удивилась:

– Разве тебя беспокоит желудок? Я не чувствую боли.

Сестра схватила Нину за запястье, и горячо зашептала:

– Ничего не болит, я же не за этим тебя позвала. Сделай что-нибудь, чтобы случился выкидыш!

Янина затрясла головой:

– Я не смогу убить ребёнка, просто не смогу.

Внезапно она кожей почувствовала тёплый ветер и увидела девочку с каштановыми косичками. Поджав ногу, девчушка скакала по нарисованным на асфальте квадратикам. У неё были Лилины голубые глаза, а на носу веснушки.

«Как солнышко», – сказал кто-то. Девочка услышала и засмеялась.

– Послушай, Лиля, эта девочка будет твоей радостью и утешением, не пытайся выгнать её.

– Я не хочу больше детей. Колька-кобель за каждой юбкой бегают, вдруг он бросит меня, как я одна буду?

Битый час Янина уговаривала сестру не избавляться от ребёнка, но всё напрасно: Лиля не только не желала слушать, но ещё и обиделась.

– И почему я должна рожать против воли? Почему раньше можно было пойти в консультацию и сделать аборт, а сейчас – нет? Не хочешь помочь?.. Мне остаётся только найти какую-нибудь бабку.

Сестра ушла и не простилась. Янина видела в окно, как Лиля в своём коричневом пальто быстро шагала к воротам, как сердито толкнула калитку. И подумала: «Теперь я осталась виновата. А вдруг и правда Лиля пойдёт к бабке?»

...У них с сестрой была слишком большая разница в возрасте – четырнадцать лет. Лиля часто говорила, что Янина во младенчестве ей все руки отмотала, шагу ступить не давала. Подружки после школы гулять ходили, одной Лиле, как проклятой, приходилось возиться с младшенькой. Со временем отношения потеплели, сестра по-своему любила Янину, восхищалась её волшебными руками и интуицией.

– Ты можешь большие деньги зарабатывать. Только слух пусти – от людей отбоя не будет. Мама вяло намахивалась полотенцем:

– Я тебе пушу слух! Люди разные бывают. Стоит только одному пожаловаться и... не приведи бог.

– Да я же пошутила, разве я не понимаю...

И вот теперь хорошим отношениям, похоже, пришёл конец.

К бабке Лиля не пошла – побоялась. Даже в их маленьком Ромске уже были смерти от криминальных абортёв. Подруги снабдили её «верными» средствами, вызывающими выкидыш. Лиля опробовала все, но ни одно не помогло. В отчаянии она ещё раз пошла в консультацию, пожаловалась на плохое материальное положение, возраст, болезни и загулявшего мужа.

Пожилая врач посмотрела на Лилю, подняла очки на лоб:

– Мамочка, всем бы такое здоровье! Вы можете выносить и родить этого ребёнка. Муж загулял? Так пожалуйте на него в партком! И на неё, сучку, тоже, чтобы неповадно было отца двоих детей из семьи уводить.

– Но в партком как-то неудобно... – робко возразила Лиля.

– Зато действительно. И не расстраивайтесь, мамочка, вам это вредно.

С мужем она поговорила сама. Сообщила, что ждёт ребёнка и что сделать ничего нельзя, потому что аборт запрещены.

Лиля рассказала об этом, когда пришла в родительский дом после месяца тщетных попыток прервать беременность.

– И что же Николай? – спросила Янина.

– Ну что... пригрозила парткомом. Мы жутко поскандалили, он ушёл... Потом вернулся, вроде помирились. Говорит, что нет худа без добра: с двумя детьми отдельную квартиру быстрее дадут. Надоело в бараке жить.

– Ты молодец, Лиль. Будет очень трудно сначала, но ты не пожалеешь.

– Почему будет трудно? – удивилась сестра. – К пелёнкам мне не привыкать.

Янина прикусила язык.

Война

Читателей сегодня было не много: две девочки-школьницы трудились над рефератами, старательно переписывали в тетрадки абзацы из книг, и листал медицинский справочник Юра, постоянный посетитель, которого в библиотеке все знали в лицо и по имени.

Нина прижалась спиной к тёплой изразцовой печке. Как хорошо так стоять... Казалось, что уходит усталость, появляется спокойствие; взгляд сам собой устремлялся в окно, где на горе возвышалась колокольня.

Когда-то в их городе была старинная деревянная церковь, построенная в низине. Она сильно страдала от наводнений, потом её окончательно уничтожил пожар. Новый храм со сверкающими золотыми куполами возвели на самой высокой точке Преображенской горы, чтобы Урал не добрался. Сейчас на горе стояла одна колокольня: церковь несколько лет назад разобрали ради кирпичей для нового завода, но так его и не построили. В итоге нет ни завода, ни храма.

Мысли Янины оборвал глухой стук и девичий крик:

– Человеку плохо, помогите!

Она поспешила в зал и увидела, как в проходе бьётся в судорогах Юра, елозя каблуками по паркету и стуча затылком о пол. Нина подбежала, схватила со стола шапку, подсунула под голову Юре, чтобы тот не ушибся.

Тёмное пятнышко внутри черепа... Янина знала: это оно всему причиной. Руки её потеплели и сами потянулись к Юриной голове, крепко легли с двух сторон. Под ладонями стало покалывать, «ток» пошёл – это хороший признак. Юра затих, будто уснул.

– У тебя руки красные...

Янина подняла глаза и заметила Асю, а рядом – растерянно переглядывающихся школьниц.

– Это от печки.

Ася присела на корточки, посмотрела на Юру с жалостью:

– Что с ним такое?

– Приступ эпилепсии. Но уже прошёл.

Юра очнулся, обнаружил себя на полу и сконфузился:

– Извините...

– Может, вас в больницу проводить? – сочувственно предложила Ася.

– Не надо... – Он неловко поднялся, сел на стул и пододвинул справочник.

Девочки вернулись к тетрадкам, старательно заскрипели перьями. Янина из-за своего стола время от времени поглядывала на Юру. Он не читал, а только делал вид, потому что смотрел в одну точку, не перелистывал страницы, праздно сложив руки.

«За что мне такое наказание?.. Две недели не было приступов – и вот опять! Да ещё перед библиотекарями так опозорился... не приду сюда больше», – уловила Нина.

Юра поднялся, громко двинув стулом. Сдал книгу, сказал: «До свидания, Янина Павловна», и направился к выходу.

– Юрий, подождите.

Тот удивлённо оглянулся.

– Приходите завтра, – пристально посмотрела в глаза Нина, – я буду ждать.

– Завтра не смогу, только послезавтра... – не сразу ответил Юра.

– Хорошо, послезавтра. И запомните: у вас больше никогда не будет приступов. Никогда. Юрий, вы поняли?

– Да... У меня больше никогда не будет приступов, – машинально повторил он. – До свидания, Янина Павловна.

Надо немного отдохнуть, отвлечься. Нина снова подошла к печке и прижалась спиной к тёплой стенке, посмотрела на потолок с уникальной художественной росписью и бронзовыми люстрами. Говорили, что купец Владимир строил этот дом для жены и четверых детей, денег на отделку не жалел. Всё здесь сделано добротное, основательно, на века. Стоило сосредоточиться и закрыть глаза, как Янина видела всю купеческую семью: Владимира в чёрном костюме, из кармашка которого свисала золотая цепочка от золотых же часов луковицей; жену Таисию в платье с кружевным воротником, шумных мальчиков и девочек, бегающих по комнатам. Купцу не повезло, он погиб молодым в Гражданскую. Вдова ещё каких-то десять лет назад жила в этом доме.

Таисии и её детям, пусть даже взрослым, Янина сочувствовала. Она представила, что завтра кто-нибудь из власть имущих придёт к отцу и скажет: «Домик у вас хороший, он нам нужен под фельдшерский пункт. Освободите. А вам комнатку в бараке дадут». Ужасно несправедливо... Купец Владимир погиб, воюя на стороне большевиков.

Подошла Ася, поискала что-то на столе, бесцельно послонялась по залу, снедаемая любопытством, бросила на Янину несколько быстрых взглядов.

– Нин, а ты зачем тому парню руки к голове приложила? – наконец спросила Ася.

– Удерживала, чтобы не колотилась о пол.

– У тебя были такие ладони... они как будто светились.

Бледные Асины щёки заалели, она то и дело одёргивала короткую шерстяную кофточку.

– От печки покраснели. Потрогай, какие стенки горячие, – спокойно ответила Янина.

– А знаешь, мне показалось, что ты как бабка-ворожка... такой вид был... ну... странный.

Янина промолчала.

– Жалко парня, – снова начала Ася, – молодой, симпатичный – и такая болезнь.

– Ничего, выздоровеет. А ведь ты нравишься ему.

– Ему нравлюсь? Ну ты скажешь!

– Я видела, как он на тебя смотрел, догадалась. Ася, сделай первый шаг, Юра просто стесняется... Пригласи в кинотеатр.

– Пригласить самой? – опешила она.

– А что такого? Хоть в «Октябрь», хоть в «Фурор».

– Это неудобно, девушка не должна навязываться, – заупрямилась Ася. Но потом, через время, сказала, что подумает.

Юра пришёл в библиотеку, как и обещал. Выжидательно посмотрел Янине в глаза и попросил почитать «что-нибудь интересное». Нина принесла «Вокруг света» с романом Конан Дойла «Затерянный мир». Юрий присел, зашелестел страницами. Он пришёл к открытию, когда других читателей ещё не было, и Янина решила, что это очень хорошо: никто не мешает.

Она подошла сзади, приложила потеплевшие руки на лоб и затылок Юры. Тот дёрнулся.

– Тихо. Спать!

Он замер, глаза закрылись. Пятно внутри черепа ещё угадывалось, но было уже не таким тёмным.

«Старая травма головы привела к эпилепсии», – догадалась Янина. Ток покалывал ладони, они горели всё сильнее и сильнее. Ещё немного... лишь бы не помешали... Нина убрала руки и увидела, что у Юры на лбу осталось красное пятно. Ну да ничего, пройдёт.

Она отошла за свой стол, пододвинула чернильницу-непроливайку и стала работать с книгой учёта библиотечного фонда, то и дело посматривая на Юру. Тот сидел и клевал носом,

потом встрепенулся, огляделся по сторонам (Нина сделала вид, что с головой ушла в работу), поморгал-поморгал и снова взялся за чтение.

Стали подходить и другие читатели. Янина искала на стеллажах книги, заполняла формуляры и уже не обращала внимания на Юру. Он ушёл по-английски, не прощаясь, оставив журнал на её столе.

– Нина! Нина! – Глаза у Аси горели, щёки разругались. – Меня Юра в кино пригласил, представляешь?

– Вот это да! Я же говорила, ты ему нравишься. И что ты ответила?

– Согласилась. В «Октябре» «Музыкальная история» идёт. Говорят, фильм интересный. Ася лихо крутанулась на каблуках и выбежала из читального зала.

«Так-то лучше... – подумала Янина. – “У самого злого человека расцветает лицо, когда ему говорят, что его любят. Стало быть, в этом счастье”. Толстой, кажется, сказал».

Шёл май сорок первого года.

После работы Янина заглянула в промтоварный магазин, купила спички, туалетное и хозяйственное мыло. Тайком, чтобы не увидела мама, пронесла покупки в свою комнату и спрятала в выдвижном ящике шкафа. Тимошка, растянувшийся поперёк кровати, одним глазом посмотрел на молодую хозяйку.

«Всё запасы делаешь?» – читалось на кошачьей морде. Тимошка зевнул и снова задремал. Нина отодвинула нахала к стенке и прилегла рядом, закинула руки за голову.

Комната была небольшой, но это только добавляло уюта. Железная кровать с шишечками застелена нарядным покрывалом, кружевные занавески на окнах смягчали солнечный свет. Над кроватью висел новый плюшевый ковёр с оленями. На деревянном комод стояла фарфоровая чернильница с узбеком в полосатом халате и узбечкой, играющих в шашки. Чернильницей не пользовались по прямому назначению – жаль такую красивую вещь! – для письма имелась обычная стеклянная непроливайка.

Над комодом висела фотография Янины, сделанная в прошлом году. Она ходила в ателье и снялась в белом платье, которое открывало руки и плечи; подобранные волосы позволяли видеть изящную шею и маленькие уши с серёжками капелькой.

Нина улыбнулась, вспомнив, как разволновалась мама, когда увидела её в этом платье.

– Янь, это ты чего, в таком виде по улице пойдёшь? Ну-ка, накинь платок. Накинь, говорю!

Платок Янина не взяла, а надела короткую кофточку из такой же материи, как платье, и сняла её только в ателье. Фотограф подкатил фотоаппарат в жёлтом деревянном корпусе и пошутил, что такую красоту не прятать надо, а в музее выставлять.

...На днях приходила Лиля. Присела за стол, бережно поддерживая руками большой живот. По-видимому, она смирилась с маленьким человечком внутри, даже была по-своему счастлива.

– Колька угомонился, слава богу, – сказала сестра, хрустя молодой редиской, – ночует дома, никуда не ходит. Остепенился... Ведь сорок пять годков, не молоденький.

– Да пора уже, – кивнула мама.

– Квартиру нам обещают в Соцгороде, как дом построят. Своя ванная, кухня... магазин на первом этаже. Так удобно, далеко ходить не надо.

– Это в пятиэтажном доме? – ахнула мать.

– Угу. Машке Прониной в новой пятиэтажке квартиру дали, она приглашала на новоселье. Какая там красота... Не смотрите, что окраина, лет через десять там самый центр будет. Скоро и мы заживём не хуже других.

– Ребёночка-то как назовёшь?

– Людмилой.

– А если мальчик родится?

– Нет, – решительно возразила Лиля, – на мальчика я не согласна, Вовка у меня уже есть.

Янина обещала, что девочка будет.

– Девочка, девочка, – успокоила Нина, – не переживай.

Мирной жизни было отпущено ещё месяц с небольшим.

В воскресенье Янина заспалась. В доме было тихо, а из приоткрытого окна долетали звуки льющейся воды и мерный стук тяпки: мать с отцом работали на участке. Отец и в выходные по привычке поднимался рано, носил воду, колол впрок дрова, чистил в сарае у козы, заготавливал сено.

Янина рывком отбросила одеяло и вскочила с постели. Хватит валяться! Достала из шкафа рабочие брюки из чёрного сатина и старую блузку, умылась холодной водой из ручейника. Вытираясь полотенцем, Нина наткнулась взглядом на численник с двумя двойками. Двадцать второе июня сорок первого года, воскресенье. Эти цифры пугали, сердце ёкало. Она напилась воды из кружки, не спуская глаз с календаря, и вышла в сад через застеклённую веранду. На маленьком огороде мать засаживала с пользой каждый клочок земли – овощей и фруктов хватало.

– Яблок должно быть много в этом году, – сказал отец, пропалывая тяпкой сорняки под деревом, – если червяк не пожрёт и ветер не собьёт.

Они рыхлили землю и поливали картошку до полудня, потом вернулись в дом, не выдержав палящего солнца. Такой уж климат на Урале: зима суровая, лето сухое и жаркое.

На кухне тихо бормотал радиоприёмник. Отец насторожился и прибавил звук.

– Что-то важное передают, надо послушать.

«Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление...»

– Заявление опять... цены, что ли, вырастут? – проворчала мама.

«Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города, – раздался из приёмника голос Молотова. – Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии».

Они молча смотрели друг на друга, потрясённые страшной новостью.

Мать побелела, затряслась:

– Война? Паш, это что, война?

– Война, чтоб её! – выругался отец и добавил: – У этого сукина сына не хватило мужества самому сказать народу! Я сейчас вернусь, схожу кое-куда...

Он нахлобучил кепку и вышел за дверь.

– Что же теперь будет, а? Янь, что будет-то? – растерянно спросила мать и вытащила из выреза платья крестик на гайтане.

Со скрипом открылась незапертая дверца буфета, и стало видно его нутро с плотными рядами мешочков, кулчков и банок. Мама посмотрела на них новыми глазами, как будто впервые увидела, и перевела взгляд на Янину.

– Ты что, знала?

– Догадывалась...

– А почему нам не сказала?

Янина сгорбилась на стуле и, помолчав, ответила:

– Зачем говорить? Чтобы прибавить вам год страхов и переживаний? Не надо... это я несу свой крест.

Мама села на низенькую скамейку и принялась перебирать мешочки, развязывала каждый и заглядывала внутрь.

– Гречка... пшено... горох... чечевица... хватит на какое-то время, – шептала она со слезами. – Ох, бедная Лиля, как же она теперь с дитём-то?

Когда позже Янина подумывала пойти на фронт, то вспоминала плачущую мать среди раскрытых мешочков с крупами. Как оставить без поддержки пожилых родителей, беспомощную сестру с младенцем и мальчишку-подростка?

Война набирала обороты, как набирает скорость катящаяся с горы машина без тормозов. Уже на другой день стали разносить повестки с приказом явиться на сборный пункт. Как голосили соседки, провожая своих мужей, какой вой стоял на улице! И Нина поняла, что нет отсрочки у страшного, оно началось сразу же, двадцать второго июня.

Через несколько дней было велено сдать приёмники на хранение в органы связи, а проще говоря, почтовые отделения.

«Обязать всех без исключения граждан, проживающих на территории СССР и имеющих радиоприёмники (ламповые, детекторные и радиолы), в пятидневный срок сдать их органам связи по месту жительства. Обязательной сдаче подлежат также радиопередающие устройства всех типов», – говорилось в постановлении. Объясняли тем, что приёмниками могут воспользоваться враги и передать важные сведения немцам.

Отец покряхтел, повздыхал, снял с полки приёмник и отнёс на почту, а взамен купил на рынке чёрную радиотарелку на ножке.

Очень тревожила Лиля. Она долго плакала и причитала, услышав о начале войны, потом погрузилась в меланхолию. В ночь у сестры начались схватки, её отвезли в родильный дом, где к утру появилась на свет здоровая крупная девочка.

Мать носила Лиле баночки с супом и тяжело вздыхала:

– Кричала-кричала её – так и не подошла к окну.

– Может быть, встать нельзя, – успокаивала Янина.

Она надеялась, что сестру выпишут, и новорождённая дочка поможет Лиле снова стать собой, но та сунула матери перевязанный розовой лентой свёрток, скользнула по Нине равнодушным взглядом и молча направилась к выходу.

Барачная квартира Николая по меркам Ромска считалась хорошей: две комнаты, большая общая кухня с водопроводом, ванная с титаном. У них в городе были бараки и без удобств, поэтому Лиле в какой-то мере повезло.

Дома она легла на кровать одетой и отвернулась к стене, так что была видна только круглая спина, обтянутая блузкой, и растрёпанные волосы. Малышка у Янины на руках захныкала, стала вертеть головой, лоя губками край пелёнки.

– Лиля, пора кормить.

Та не пошевелилась и не проявила никакого желания взять дочку на руки.

– Как ты её назвала?

– Никак, – глухо ответила сестра.

– Значит, Людочка, – после молчания сказала Нина. – Лиля, мне пора возвращаться на работу, я отпросилась на два часа. Ребёнок голодный, он ни в чём не виноват.

– Я её не хотела.

– Поздно об этом говорить, корми.

Сестра с тяжёлым вздохом села в постели. Расстегнула пуговицы блузки, взяла дочку на руки и приложила к полной груди. Людочка стала усердно сосать, и Лиля долго, не отрываясь,

смотрела на красное маленькое личико. Глаза у неё увлажнились, по щекам побежали лёгкие слёзы.

– В войну родилась, бедняжка ты моя...

Янина выдохнула, подхватила сумочку и тихо вышла из комнаты.

Эвакуированные

С пятого сентября в Ромске ввели карточки на промтовары и продукты: хлеб, крупу, мясо, масло, сахар... К открытию у магазинов выстраивались длинные очереди. Продовольствия городу не хватало.

Янина в июле ещё успела купить сахар. Сделали с матерью мочёную смородину, укладывая сверху ягод душистые листочки. Тяжёленькие банки отец спустил в погреб. Насушили вишню и яблоки, посолили в бочонках огурцы. Год-полтора можно было не бояться голода.

Жизнь их маленького города круто изменилась с началом войны. Из Украины и центральных областей стали прибывать эвакуированные заводы и предприятия. Приезжали рабочие с семьями, которых надо было срочно куда-то заселять. Жилищный вопрос стал как никогда острым. Городские власти распорядились в короткие сроки возвести бараки в посёлках, а также «уплотнить» местных жителей.

Однажды мать рассказала, что выселили жильцов из дома по улице Шевченко, помещение которого понадобилось детскому саду. Янине был знаком этот небольшой одноэтажный дом на пять или шесть квартир, он находился недалеко от горы.

– А куда выселили?

– А я знаю? Других уплотнят, кто в казённых квартирах живёт. Если две комнаты, к примеру, то одну попросят освободить, – объяснила мама. – Нас-то не уплотнят, этот дом мы с отцом купили, он не казённый. Попросить могут, правда...

Они дождались отца и сели ужинать. Мама разлила по тарелкам вермишелевый суп из сухого бульона, который повезло купить Янине перед войной.

– Вова сегодня приходил, дала ему бутылку молока и кулёк гороха.

– Николаю повестку не приносили? – поднял глаза отец.

– Если б принесли, я бы с порога сообщила, – ответила мать. – Он надеется, что его не заберут. Кто-то сказал, что если с грудным ребёнком семья, то отсрочку дают... Эх, милый, говорю, если разбираться, у кого какие ребёнки, так воевать некому будет.

– Я завтра проведу Лилу, давно не видела, – пообещала Нина.

На столе лежал целый ворох плакатов, выделенных городом для библиотеки. На днях заведующая на собрании зачитала по бумажке указ, из которого стало ясно, что работы у библиотечарш прибавится: надо заниматься с населением, проводить политинформацию, неграмотным – читать газеты, доносить до людей фронтовые сводки, учить противовоздушной и противохимической обороне. И особое внимание уделить оформлению библиотеки – развеять антифашистские агитки.

Ася прикрепила к стене плакат с Гитлером, чью голову готов был проткнуть русский штык, и сморщила нос:

– Какая противная рожа!

– Да уж, уродец, – покосилась Нина и развернула плакат с женщиной в красной одежде – родиной-матерью. – Чем ты расстроена?

Она знала причину и спросила для того, чтобы начать разговор.

– Юру взяли в училище, а потом и на фронт.

Ася расплакалась и стала рассказывать, что Юрий не прошёл медкомиссию из-за эпилепсии. Он яростно доказывал, что здоров и приступов давно не было, но врачи слушать его не

захотели. Тогда Юра поехал в чкаловский военкомат и, разумеется, не заикнулся про эпилепсию. Его признали годным.

– Молодец, какой упорный, – похвалила Нина.

– Да-а-а, а если убьют?

– Типун тебе на язык. Бери плакат... вот опять тебе Гитлер попался.

Долго молчали, расклеивая агитки.

– Нин, ты когда-нибудь каталась на трамвае?

– Да, в Ленинграде.

– А я – ни разу, – вздохнула Ася. – В будущем году обещали закончить трамвайные пути, но сейчас стройку заморозили, не до трамваев.

– Теперь уже после войны...

Нина по своей давней привычке подошла к печке, прислонилась спиной к тёплой стенке, устремила взгляд в окно, на высокую колокольню. Холода начались в этом году рано. Уже сыпала с неба снежная крупа, ветер перекачывал её по земле. Судя по началу, морозы будут знатные этой зимой, а дров библиотеке выделили на треть меньше обычного. Придётся экономить, теперь сэкономили на всём.

– Ты слышала, что у нас двоих хотят сократить и перевести в мясоконсервный цех? – спросила Ася.

– Слышала.

– Алтынай хочет пойти. Я тоже бы не отказалась – всё сытнее будет. Мне теперь всё время хочется есть, – призналась она, – по карточкам что-нибудь купить – это целое событие.

– Давай чаю попьём, – предложила Янина. Она часто приносила то сухари, то лепёшку, то солёный огурец с ломтиком хлеба, то крупяные блинчики.

Нина прошла в подсобку, где все переодевались и обедали, поставила на электроплитку чайник. Достала из сумочки хлеб, сахар и кулёчек сушёной вишни. Бросила горстку ягод в закипающую воду – чай получился ароматным, вишнёвого цвета.

– Угощайся.

– А я не смогла сахар отovarить, прямо передо мной кончился. – Ася взяла чашку и кусочек сахара.

– Бери хлеб.

«Всё-таки она добрая...» – возникло в голове. Нина улыбнулась.

Детская библиотека имени Павлика Морозова собиралась устроить выставку патристических книг и попросила помощи у библиотеки для взрослых, где работала Янина. Вместе подготовили книги, составили план встречи и вступительную речь.

Нина разложила на столе новые, не так давно выпущенные книги «Тимур и его команда». В прошлом году вышел фильм о мальчишках, помогающих семьям военных, и каждый школьник посмотрел его не по одному разу. «Слово о полку Игореве», русские былины, «Александр Васильевич Суворов», «Кутузов» – все эти произведения должны были найти отклик у детей.

Выставка прошла замечательно, ни одна книга не осталась без внимания. В конце встречи выступали школьники. Черноволосый мальчик одёрнул поношенную курточку и с чувством прочёл стихи о Сталине:

*Спит Москва. В ночной столице
В этот поздний звёздный час
Только Сталину не спится –
Сталин думает о нас.*

*Много верных и отважных
Храбрецов стоит в строю –
Сталин думает о каждом,
Кто хранит страну свою.*

«Верно, ему сейчас не до сна, – подумала Янина, – ведь немцы под Москвой стоят».

Положение под Москвой было очень серьёзным. Утро у Ковальских начиналось с прослушивания сводки Информбюро, и только потом они принимались за дела. Отец, хмурясь, шелестел газетой, ерошил свои кудрявые волосы и вздыхал.

...К Лиле предстояло идти пешком, благо жила она не очень далеко. Лошадей в Ромске осталось мало, их тоже мобилизовали для армии, редко какая лошадёнка проезжала по улице. К заводам рабочих возили в вагонах по железной дороге, а по городу приходилось передвигаться на одиннадцатом номере, то есть пешком.

Сперва Янина зашла в магазин, отстояла длинную очередь и выкупила хлеб по карточкам – его получилось много, целая буханка! Нина торопливо шла, стараясь успеть до настоящей темноты, мороз не давал стоять на месте. Прошла безлюдным двором, шмыгнула в единственный подъезд дома, поднялась по деревянной лестнице и постучала в косяк обитой войлоком двери.

Открыла Лиля, одетая в тёплый байковый халат, на руках она держала Людочку.

– Янька! Заходи...

Янина разделась и скинула валенки, достала из сумки бутылочку молока, бульонные кубики и пачку макарон.

В комнате было тепло после улицы и очень влажно от висящих на верёвке пелёнок.

– Дай понянчить Людочку, сто лет её не видела. Подожди, руки холодные... – Нина согрела ладони, потеряв их друг о друга. – Морозно как, нисколько на октябрь не похоже.

Людочка заворковала, потянулась ручками.

– Какая хорошенькая, вся в маму, вся в тётю... А Вова и Коля где?

– Вовка в спальне уроки учит, а Николай ещё на работе – им смены прибавили. В Вовкиной школе теперь эвакогоспиталь, они в посёлок пешком ходят, —сестра зябко поёжилась, – я так боюсь, что Кольку заберут на фронт.

– Пока не заберут, а дальше я не вижу, – уклончиво ответила Нина. – Всё меняется... Всё течёт, всё меняется.

– Надеюсь, что не заберут. Какой-никакой, а мужик. – Лиля подколола шпилькой выпавшую прядь волос. – Пойду молоко согрею, кормить пора...

Сестра ушла на общую кухню и вскоре вернулась с полной бутылочкой. Людочка схватила соску дёснами и стала жадно сосать.

– К нам сегодня из горкомхоза приходили, – не сводя глаз с малышки, сказала Лиля, – одну комнату надо освободить для эвакуированных из Москвы – женщины с двумя детьми.

– Вот как... А ты что ответила? – осторожно спросила Янина.

– А что я могу ответить? Моего мнения не спрашивали... Сейчас Коля придёт – будем вещи переносить. Плохо, что комнаты смежные.

– Что поделатъ, везде уплотняют. Людей надо куда-то селить, а жилья нет, – сочувственно отозвалась Нина. – Еды хватает? Вы не голодаете?

– Если бы вы с матерью не подкармливали, то голодно было бы, – призналась Лиля. – Сегодня полдня стояла в очереди за макаронами – и мне не досталось. Ты как будто знала, продукты запасла... или знала?

– Ну откуда я могла знать? – пожала плечами Янина. – Я не всё вижу.

Мать как в воду глядела: дней через десять к Ковальским пришёл человек и попросил принять эвакуированную женщину с ребёнком.

– А кто приходил, мам? – спросила Янина.

Мать скрестила на груди руки:

– А я знаю? Чернявый такой мужик... сказал, что из горкомхоза. Я ответа не дала, говорю, посоветоваться надо. Я, мол, не одна в доме живу.

На семейном совете было решено эвакуированных принять и выделить им комнату.

– Как откажешь? – вздохнул отец. – Не по своей воле люди здесь оказались... Пусть приходят и живут.

В тот же день Янина перенесла свои вещи и безделушки из комнаты, отец нашёл в сарае подходящие доски и сколотил топчан. Бросил на него сеник и подушку.

– Царское ложе! На сене спать пользительно.

...Дремавшая на своём коврик Кукла вдруг подняла голову, насторожилась и с лаем бросилась к двери.

– Кто-то пришёл, постояльцы небось. – Отец отложил газету, набросил ватник и вышел во двор.

За окном слышались голоса и, впустив морозное облако, в прихожую вошла женщина в пальто с меховым воротником. За руку она держала девочку, закутанную в пуховый платок по самые глаза. Гости топтались у порога, будто не верили, что их ждали и готовы приютить.

– Да вы раздевайтесь, проходите, – засуетилась мама, – вот сюда одёжу вешайте.

Женщина раздела дочку, освободила её от платка, потом разделась сама и пригладила тёмные волосы, стянутые резинкой в хвост.

– Меня зовут Татьяна, а это Маша, моя дочь.

Маше на вид было лет пять. Большеголовая и кареглазая, с двумя тонкими косичками, она посмотрела на лампочку под абажуром, затем перевела серьёзный взгляд на окно и нахмурилась. Подёргала мать за юбку и что-то зашептала.

– Здесь не надо окна занавешивать, – ответила Татьяна, – здесь не бомбят.

Невысокая и худощавая, с тонкими чертами, она не была красавицей, но ласковые глаза и добрая улыбка сразу располагали к себе, делали лицо привлекательным. Чёрных мыслей и зависти в ней совсем не было – это Янина увидела сразу.

– Пойдёмте, я покажу комнату, – улыбнулась она.

С чемоданами и узлами гости прошли в боковую комнату. Кукла просеменила следом, цокая коготками по полу.

– Как здесь хорошо... так тихо, так спокойно, – сказала Татьяна, оглядывая побеленные стены.

Маша сразу догадалась, что топчан поставлен для неё.

– Ух ты! Я здесь буду спать! – обрадовалась она и плюхнулась на сеник. – А собачка с нами будет жить?

– Нет, Машенька, у неё своё место.

Янина взяла с кровати кота, сняла со стены забытую фотографию.

– Располагайтесь. Если поужинать захотите, то у нас есть плитка и примус. Электричество, правда, часто отключают.

– Если только сегодня, пока керосин не куплю. А так у нас свой примус.

Квартиранты тихо возились в комнате, раскладывали вещи, потом вышла Татьяна, спросила разрешения сварить чего-нибудь. Она промыла пшено, брэнча носиком ручной мойки, разожгла примус и поставила на огонь кастрюльку.

Отец стал расспрашивать из какого города они приехали, как там военная обстановка. Таня ответила, что из Тулы. Немцы часто бомбили, и все пережидали налёты в подвале. Во дворах уже рыли траншеи для уличных боёв, ввели строгую светомаскировку. Эвакуировались они с патронным заводом три недели назад.

Мать тяжело вздохнула:

– Ох горе, горе... Прёт немец-то...

– Фашисты в Тулу не войдут, – покачала головой Татьяна. – Наша предсказательница Дуня сказала, что провела обряд: заперла город на замок, а ключи выбросила, и теперь немцы не смогут взять город. Ей многие верят, я тоже верю.

– Если говорит, значит, так и будет, – кивнула Нина.

Каша была готова. Таня достала горбушку хлеба из узелка, порезала тонкими ломтиками. Мать жалостливо смотрела, как ест Маша, облизывая ложку, принесла банку молока и отлила в стакан.

– Попробуй-ка молочка от нашей Белки.

Маша отпила, над губами у неё появились белые усы.

– Вкусно! А Белка это кто, корова?

– Это наша коза. Она всех кормит: и нас, и внучку маленькую, и кота, и собачку.

После еды у Маши стали слипаться глаза, и Татьяна увела её в комнату. Вскоре там погас свет, всё стихло.

– Умаялись... пусть спят. Не приведи бог такое испытать, – вздохнула мать.

В госпитале

Янина собиралась на вокзал. Надела старый материн ватник, закутала голову тёплым платком и прихватила толстые рукавицы: морозы установились по-зимнему крепкие, и столбик термометра опускался ниже тридцати градусов.

На перроне уже толпились женщины и подростки, прохаживались, притоптывали валенками, хлопали рукавицами, перекидывались замечаниями о стуже.

– Скоро ли? – спросил кто-то.

– Да вроде как едет... – прищурился мужичок с подстриженной бородкой. Он стоял рядом с заиндевелой, с белыми ресницами лошадю, запряжённой в сани.

Нина обернулась и увидела дымок и далёкий паровоз с крохотными вагонами.

– Ну, готовимся, бабоньки. Две лошади и две полуторки город дал.

С грохотом и свистом мимо пролетел поезд, ударил Янине в лицо снежной пылью, замедлил ход и наконец остановился. Двери тёмно-зелёных вагонов с красными крестами открылись, на перрон спустились медсёстры в наброшенных тулупах поверх халатов.

Без лишней суеты и спешки женщины брали носилки с ранеными, осторожно, стараясь не трясти, ставили их в кузов машины и на сани. Нагруженные полуторки и лошади уезжали в эвакогоспитали и снова возвращались за бойцами.

– Ещё кто-нибудь в машину к раненым залазь!

Янина, оказавшаяся ближе всех, замешкалась лишь на секунду и неловко полезла в кузов. Она заметила деревянный ящик на полу и присела, стараясь не задеть валенками носилки, уцепилась за стенки борта.

Раненые лежали рядами на дне кузова. Кто-то молчал, кто-то постанывал, а кто-то тихо матерился, одного солдата била крупная дрожь.

– Когда я на вас смотрю, сестрёнка, мне даже не так больно... – послышалось рядом.

У Нининых валенок лежал на носилках молодой солдат с перевязанными ногами и со следами крови и гноя на бинтах.

Раненый проследил за её взглядом и подмигнул:

– Хромаю на обе ноги.

Шутит, а ведь страдает от боли: губы кусает, лицо бледное.

Борт с грохотом захлопнулся, водитель завёл мотор, и полуторка тронулась.

– Что это за город, сестрёнка? – Опять этот солдатик.

– Ромск. Чкаловская область.

– Я уже люблю этот Ромск, ведь в нём живут такие красивые девушки. Вот встану на ноги и приглашу вас на свидание.

«Встану на ноги»... Не встанет. В рану попала земля, началась гангрена, самочувствие ухудшается с каждым часом. Солдата спасут, но... на ноги он уже не встанет. Именно так и будет, если Янина ему не поможет.

Машина остановилась возле школы, той самой, где раньше учился Вовка, а сейчас работал эвакогоспиталь. На крыльце стояла женщина в тулупе, из-под которого выглядывал белый халат, и Нина узнала дальнюю родственницу отца, фельдшера Валентину Ивановну. Она забрала у водителя документы, мельком глянула и распорядилась:

– Сначала в санпропускник!

Борт открыли, Янина спрыгнула на расчищенную от снега землю.

– Валентина Ивановна!

Та бросила нетерпеливый взгляд, разглядела Янину и обрадовалась:

– Ниночка! Ты пришла помогать?

– Я?... Да, помогать.

– Как хорошо, рук не хватает. Надо выгрузить раненых и занести в санпропускник.

Янина взялась за носилки вместе с молоденькой медсестрой, почти девочкой, и понесла в фойе, служившее пропускником, потом ещё и ещё раз. И всё старалась не упустить из виду того солдата, который пригласил её на свидание. Вот его занесли в коридор, Валентина Ивановна осмотрела ноги раненого и сказала:

– В перевязочную! Да куда ты в ватнике, Нина, переоденься!

Янина смутилась, торопливо сбросила ватник и платок, запуталась в рукавах халата.

– Возьми!

Она взялась за носилки и стала осторожно подниматься по ступенькам. От тяжести дрожали руки и шумело в голове.

– Это я должен девушек на руках носить, а не они меня, – через силу сказал солдатик.

– Успеете ещё, а сейчас не отвлекайте, – отрезала юная медсестра.

«Надо же, какая строгая!» – подумала Янина.

Под перевязочную, которая находилась на втором этаже, была приспособлена тесноватая лаборантская в кабинете химии.

– Не уходите, – бросила врач с марлевой повязкой на лице, – сейчас понесёте на рентген.

Она разрезала большими ножницами бинты, кинула их в большой лоток. Ноги у раненого были серого цвета, одного взгляда было достаточно, чтобы понять: дела у солдата не очень хороши. Нина отвела глаза, едва справляясь с дурнотой.

– Не надо на рентген. Будем готовить к операции, в палату несите.

– К операции? – заволновался солдат. – Зачем? Что вы хотите делать?

– Ампутировать надо, – жёстко сказала врач, – иначе умрёшь от заражения крови.

Лицо раненого окаменело. Он не заплакал, он как будто умер после этих слов, взгляд стал неживым, стеклянным.

Врач перевязала солдату ноги, обрезала кончик бинта ножницами, кивнула:

– Уносите.

Янина с медсестричкой взяли носилки и двинулись по коридору, свернули в палату с высокими потолками, которая ещё недавно была школьным классом, даже чёрная доска с кусочками мела осталась. Коек в палате оказалось так много, что стояли они почти вплотную. Медсёстры осторожно переложили раненого на постель с тощей подушкой.

Нина замешкалась.

– Чего стоишь, идём дальше. Видишь, сколько больных? – напустилась на неё маленькая напарница.

– Иди, я догоню. Мне надо отойти.

– В туалет, что ли? Для персонала направо по коридору. – Медсестра вышла, волоча носилки.

Янина присела на краешек койки и приложила потеплевшие руки к ногам солдата. Ток пошёл сразу, ладони стало ощутимо покалывать. С каждой минутой ей становилось всё хуже: напала страшная слабость, часто-часто заколотилось сердце. Дурнота, подступившая к самому горлу, заставила Нину спешно побежать в указанный туалет для персонала. Оттуда она вернулась бледной, с покрасневшими глазами, и снова присела на койку к раненому, приложила одну руку к области сердца, другую – на правую ногу. Солдат совсем не обращал внимания на Янину, убитый страшной новостью. Ничего, зато не мешает...

Она не сразу заметила, как в палату вошёл врач в халате и белой шапочке.

– Можете идти, сестра, – отрывисто сказал он и склонился над ногами раненого. – Рая, ножницы.

Тёмленькая медсестра подала ножницы из лотка.

– Так... давление, температуру измерьте. Да что вы застряли в дверях? – напустился он на Нину. – Экие бестолковые... Несите же манометр!

Янина выскочила в коридор и спросила манометр у постовой медсестры.

– Температура повышенная, но не критическая, – пробормотал врач. – Раны, конечно, серьёзные... но попытаемся спасти ваши ноги. На рентген и в операционную!

Раненого опять переложили на носилки и понесли на рентген, а оттуда – до дверей операционной. Дальше Нину не пустили: там была святая святых со строгой стерильностью.

Она возвращалась домой совершенно без сил, не шла, а тащилась.

Мать увидела, ахнула:

– Янечка! Что случилось? На тебе лица нет!

– А куда же оно делось? – слабо отшутилась Нина. – Мам, баню топили?

– Да, отец затопил, уже готова... Давай провожу, – спохватилась мать. Она собрала бельё, полотенце, мыло из довоенных запасов и проводила Янину в баню.

– Не запирайся, я неподалёку постою.

Вода была очень тёплой. Нина окатывалась из ковша с головы до ног, чувствуя, как стекает усталость и уходит недомогание. Она долго размазывала по волосам мыльную пену, терлась мочалкой и поливала себя то горячей, то прохладной водой.

Янина вернулась в дом и сказала матери:

– Меня не будить, даже если начнётся бомбёжка.

По привычке она пошла в свою комнату, но увидела топчан, чужие вещи и вспомнила про эвакуированных. На днях Татьяна отвела дочку в круглосуточный детский сад, где Маше дали место, и уже несколько дней не появлялась дома, ночуя в посёлке. Заводские рабочие сутками пропадали на площадках, устанавливали оборудование, чтобы как можно скорее запустить его и выдавать необходимые фронту гильзы для снарядов. Армии были нужны как воздух боеприпасы и топливо, полуголодные люди в тылу работали на износ в холодных цехах. Всё для фронта! Всё для победы!

Янина постелила чистое бельё и легла на диване. Как же приятно, как хорошо...

На постель немедленно прыгнул кот, улёгся Нине на живот поверх одеяла, затарахтел. Тимошка не просто так пришёл, а почувствовал, что хозяйке нужна его помощь.

Госпиталь, по счастью, находился недалеко от библиотеки, на одной улице, и после работы Янина отправилась к «своему» солдату. Пожилой санитарке на входе сказала, что пришла помогать. Та закивала, подала чистый халат и помогла завязать верёвочки на спине.

Нина поднялась по лестнице на второй этаж. Всюду переполненные палаты, заставленные койками коридоры, спешащие медсёстры с лотками. И раненые, раненые, раненые, среди которых было много тяжёлых. Чужая боль снова оглушила, не давала дышать.

Янина остановилась, чтобы прийти в себя, и мысленно надела костюм химической защиты, который каждый день видела на плакате в библиотеке. Как ни странно, но это помогло. Выздоровливающие ходили туда-сюда по коридорам, разговаривали и смеялись. Смеются, значит, идут на поправку.

Янина прошла во вторую от входа палату. Знакомый солдат лежал на том же месте, толсто перевязанные чистыми бинтами ноги покоились на подушке.

Он увидел Нину, заулыбался:

– Сестрёнка пришла!

– Здравствуйте. Как чувствуете себя? – тихо спросила она, смущаясь чужих взглядов.

– Да будем живы – не помрём, – подмигнул раненый. – Ноги мне оставили. Сказали, что попробуют спасти, раз угрозы для жизни нет.

– Хорошо... Левая нога уже вне опасности.

– Откуда вы знаете?

– Догадываюсь.

Руки Янины зависли над правой ногой, не касаясь бинтов; она чувствовала, как горят ладони, словно обожжённые крапивой, как перекачивается под ними нечто чуть плотнее воздуха,

– Что вы делаете? – приподнял голову солдат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.